



Евгений БУРАВЛЕВ, родился в 1921 г. Детские годы прошли в Тогучине, Новосибирске, Промышленной. После окончания средней школы учился в авиационно-техническом училище. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды и медалями. После армии работал в полярной авиации, на изыскании и строительстве железной дороги Самхарт—Игарка, последние годы на строительстве Южно-Сибирской магистрали. Учится заочно в литературном институте имени М. Горького при Союзе писателей СССР.

Печатается с 1953 г. в альманахе «Енисей», журнале «Сибирские огни», газетах «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса». Стихотворения Евг. Буравлева печатались в журналах «Смена», «Молодая гвардия».

В 1956 г. в Кемеровском издательстве вышел первый сборник стихов — «Кладовскатели». Сейчас готовится к печати второй сборник «Родник у дороги». Закончена большая работа — поэма «Красная Горка».

Евгений Баллада о сапере

Долго по следу сапера
Крадучись смерть ходила,
Не затевала спора —
Все до поры шадила. —
Только дышала рядом
Стужей мгновений длинных
То над фугасным зарядом,
То на полях на минных.
Сердцем толовой шашки,
Черным зрачком запала,
Неосторожной промашки
От него ожидала.

А он обходил ее мимо,
К трудной привык работе:
Мина ему не мина —
Прокладывал путь пехоте.
Хватился только в Берлине.
Что на висках уже иней.
А было всего в ту пору
Двадцать четыре саперу...

...Давно те дни отшумели,
И в прошлом году сынишке
Мать из отцовской шинели
Выкроила пальтишко.
Редко о первой бомбежке,
О том, как он нохал порохов,
Рассказывал сыну Алешке
Взрывник Никодим Егоров.
Новых дорог не мало
Прошел он под гром аммонала,
И мжно ему служила
Взрывчатка страшная сила.
У речек менял теченья,
Равнял с берегами горы;
Вставали за ним селенья,
Рождался шахтерский город.
Ни отдыха, ни привала —
Спешил туда, где синели
Невзятые перевалы,
Непройденные тоннели.
Спешил, как будто боялся:
Останется сыну работа,
И к ночи в барак возвращался
Оглохший и мокрый от пота...

Но было такое место:
Вздыхались скалы отвесно,
На речке, что билась справа,
Временная переправа.
Замерло все на стройке
В ожидании взрыва.
Только кедровки да сойки
Звенели за дальней гравой,
Только, прощаясь с летом,
Солнце пекло нестерпимо.
Но я не думал об этом,

Встретив тогда Никодима,
Кострами багряных нарядов
Не волновала осень.
Из десяти зарядов
Сработало только восемь.
А за спиной — переправа:
Люди, рельсы и шпалы.
И только он имел право
Снова сменить запалы...
Внешне спокоен, беспечен
Перед свершением трудным
Шагнул он к дымящимся грудам
Расправив саженные плечи:

— Посторонись, пехота!
Побереги здоровье! —
И только капелька пота
Застряла над самой бровью.
Только стиснул мне руку
Жаркой своей ладошкой:

— Если чего... Как другу...
Присмотри за Алешкой...
Только сердце заныло:
«Эх, кабы жизни по две»...
Но долга властная сила
Звала и вела на подвиг...

Напрасно принес Алешка
Завтрак отца нехитрый —
Краюшку хлеба, картошки
И молока пол-литра, —
Когда разметало скалы
В облаке щебня и дыма.

Мы знали: его не стало —
Взрывника Никодима.
С заломленными руками
Упала навзничь береза,
Казалось, что даже камни
Точили украдкой слезы.
И кто-то из старых путейцев,
Пропахший от шпал креозотом,
Вспомнил, как рота гвардейцев
Шла за Матросовым к дзоту...

Все было
Сурово и просто,
Как все, что связано с боем.
Но долго еще подросток
Сладить не мог с собою.
Тяжелое, человежье
Горе, как камня глыба,
Легло на мальчишечьи плечи.
На сотовой верете Южсиба...
И если случится — мимо
Промчит тебя скорый поезд,
Поклонись ему в пояс —
Взрывнику Никодиму.

Буравлев

Гудели
№ ЗНАКОМИ

Бригадир Али Умарбек

Вот и опять не шагнуть за порог —
То глухая пурга, то морозная звень.
И даже Али, несмотря на зарок,
Курит четвертый день.
Метет и метет ошалелый снег,
Ветер насквозь продувает брезент.
Возле огненной печки Али Умарбек
Вспоминает родной Ташкент.
А над палаткой гудят провода.
Тревожно на сердце все эти дни,
Как будто бьется чья-то беда.
Безнадежно запутавшись в них.
Гудят, и в ста метрах на юго-восток
Падают в снег, спиралью кружа.
А связь, как в пустыне воды глоток,
Ожидает далекая Бискамба...
Не мог больше выдержать Умарбек
И сказал: «Пурги и мороза нет!»
И шагнул за полог в кипящий снег,
И мы потянулись вслед.
Со шквальным ветром, со снегом по грудь
Два дня продолжалась борьба.

*) Станция на участке Южсиба Сталинск—Абакан.

Трудный пикет

Бывает, сходится клином
Свет на одном из пикетов:
Впереди — непролазная глина,
Позади — эшелон пакетов
(Сотни рельсовых звеньев,
Собранных к наступлению),
А вокруг километров за сто
Не найти кубометра балласта.
И тогда — ни раньше ни позже —
Связь окажется в полном порядке,
И начальник стройки предложит
Устранить затор на укладке...
Но составлены в козлы лопаты,
Разомлели в тепле ребята
С Дона, с Волги, с безвестной Косули
За две ночи впервые уснули.
Как поднять их, промокших, уставших,
И какими смотреть глазами,
Если младшей дочурки не старше
Та вон девочка из Казани!

От столба к столбу дотянуть как-нибудь
И еще — до вершины столба.
И когда на исходе второго дня
Продутый со всех четырех сторон
Последний столб Умарбек обнял, —
Захрипел полевой телефон.
Кто-то сидел без стекла и гвоздей,
Где-то вагон под откос слетел —
Одновременно десятки людей
Говорили о сотне дел, —
И, пробиваясь сквозь все голоса,
Летело: «Ты слышишь меня, Артем!!
Сын, понимаешь, сын родился!
Мы тебя очень ждем!»
Кто-то басыл на другом конце —
Не мог разобрать Умарбек.
Таял колючий снег на лице.
Слова продолжали свой бег:
«Алло, Бискамба! Алло, Бискамба!»
А к горлу Али подкатился ком,
И, наверно, от холода так дрожат
Провода, опущенные куржаком.